

ИРИНА КАЛИТИНА

ТЮЛЫПАН
И
АНЮТИНЫ ГЛАЗКИ

16+

Ирина Калитина

Тюльпан и Аютины глазки

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=39295746

SelfPub; 2021

Аннотация

У женщины неглупой, прожившей достойную жизнь, уважающей себя и окружающих людей, есть слабое место – племянник.

Ирина Калитина

Тюльпан и Анютины глазки

Целую неделю Вика оставалась без связи. Почему на острове в центре большого озера, где учёные проводили испытания, мобильник не ловил, не знала. Может быть, эта зона не покрывалась оператором, но, если влезть на верх скалы, удавалось иногда поймать сигнал, а, возможно, потому, что с ними «на объекте» работали военные, и это их «происки».

Лазать по скалам было некогда, да и что может случиться за семь дней? Работа, бытовые неудобства, сосны, тишина и плеск воды. Когда плыли на катере к берегу за провизией, мобильник ожил, пришла смс-ка, отправленная, мамой на прошлой неделе, набранная нервно, с ошибками.

«Взвращайся срочно, Григооорий Иванович умер».

– Ужас, – сказала Вика, – какой ужас!

Паспорт в командировках – всегда с собой. Спасибо начальнику экспедиции, отдал деньги, предназначенные для продуктов, попросил местного рыбака «подкинуть» её на старом «Жигулёнке» к остановке автобуса.

– Не задерживайтесь, Виктория Евгеньевна, ждём Вас, – последние его слова.

– Постараюсь, – ответила Вика рассеянно, мысли уже далеко.

Автобус, электричка, такси в аэропорт, ожидание и само-

лёт мелькали перед глазами, как кино, будто это всё происходило не с ней.

Григорий Иванович на здоровье не жаловался. Достал из холодильника кастрюлю с супом. В кухне – духота. Пошатнулся, упал и умер неожиданно, мгновенно.

Соседка вызвала скорую.

– Сделайте что-нибудь, вы же врачи! – цепляется Аня за рукава людей в белых халатах.

– Забираем тело, – ответ.

Всё.

Пустота.

«Почему ушёл так рано?» – не понимает женщина.

Мужу – девяносто, ей – на семь меньше. Пятьдесят лет промчались, как один день! Любимая, обласканная, ненаглядная. Одна. Озноб. Встаёт на ноги и падает.

Детей нет, племянник Саша, живёт в соседней комнате. Аня просит его получить свидетельство о смерти, передаёт деньги на похороны. Расплывчатая мысль:

«Что-то я неправильно делаю».

Забутьё.

Пятый день тело в морге – никому ненужная вещь. За окном, редкая для июня, жара, Аня не может согреться, лежит в чёрной мохеровой кофте на диване, как подбитая ворона на асфальте. В комнате не подметено, в люстре, который день, горит свет, забыла выключить.

– Что ж ты Аня? Нужно встать», – шёпотом уговаривает

себя.

Нет, не получается.

Паутиной ниточкой удерживается её жизнь, цепляется за воспоминания, а в них молодая, яркая, весёлая женщина острит, поёт романсы под гитару. Переглядываются поклонники, кому повезёт: достанется обнадёживающий взгляд озорных Анютиных глазок? Умела завести мужчин, не обещающая ничего. Позволяла, лишь, восторгаться с собой.

Выходила за Гришеньку не девочкой, вторая попытка создать семью. Оба сыграли свою совместную жизнь, как неповторимую пьесу. Завтрак: стол, покрытый дорогой скатертью, изысканная посуда, интересная женщина и достойный мужчина, улыбка, ласковая беседа, обсуждение планов на день, Ужин: бархатный разговор о книгах, фильмах, политике. Страсть и нежность. Ни капли раздражения или недовольства за совместную жизнь. Берегли друг друга, наслаждались каждым днём.

Восьмой день тело в морге.

Анюта открыла глаза, Саша в её комнате складывает книги в старую сумку, шёпотом попросила перекусить. Принёс кусок курицы, достал из кастрюли с супом, который пытался разогреть Гришеньку перед смертью, кастрюля стояла с тех пор на плите. Женщина, потерявшая вкус и обоняние, не почувствовала, что курица испорчена, отравилась. Нашла силы сползти с дивана, набрать в ведро воды и поставить рядом, чтобы ничего не испачкать. Дальше – тошнота, провал.

И что это за глаза подарены ей были «свыше»! Чёрные, яркие, поджигающие изнутри, даже, самых стойких представителей сильного пола. Многие стремились побыть рядом, получить частицу восторга и наслаждения жизнью.

– Мужчины созданы, чтобы поклоняться женщине, – учила Анята Вику, дочь средней сестры, когда той было семнадцать.

Мысль эта распространялась на всех, кроме одного, племянника, рождённого младшей сестрой, почти, ребёнком, от соседа по лестничной клетке, красавца – грузина. Сосед погиб на соревнованиях по подводному плаванию. Несчастливая сестра и её хорошенький сыночек остались пожизненно детьми в семье и чудом для Аняты, которой был поставлен диагноз – бесплодие.

Девятый день.

Задыхаясь, Вика ворвалась в комнату, заварила крепкий чай, размочила в нём сухарик, заставила Аняту немного поест и проглотить таблетку, вынесла ведро, подмела пол.

Жалость сжимает горло, делает голос хриплым. Слово «несчастье» не ассоциируется с сильной, жизнерадостной, опекающей родственников, Анятой.

– Тёточка, дорогая, приношу соболезнования. Как жаль Григория Ивановича! Где документы для похорон?

– У Саши. Отдала ему все деньги, – беспомощно захлопала глазами больная, – что теперь будет?

– Ничего страшного, не волнуйся, тебе нужно поправить-

ся. Я позабочусь о погребении.

Прошла по коридору, ногой толкнула дверь в комнату, чуть не вышибла её, облупленную, дрожащую, едва держащуюся на петлях. Перед ней пол, не имевший понятия о венике, грязный стол без скатерти, разрушенный диван, рыхлое ложе, не знавшее простыни, вокруг стола двоюродный брат и два человека с опитыми лицами.

– Добрый день, – говорит Вика звенящим голосом, – где документы? – глаза злые, ноздри раздуваются.

– А-а-а, зыыы... зы... здравствуй, сестрёнка, пыпы...пы..посиди с нами, – Саша заикается с детства, говорит радушно, приветливо, не торопясь, будто здесь лёгкая вечеринка, приятная компания, и не лежит, который день, тело в морге, не пропил он накопленное на похороны и не умирает в соседних комнатах родная тётка, поддерживающая его многие годы. Саша хвастает перед друзьями: сестра – кандидат наук, учёная.

Алкаши кивают головами.

– Мне некогда! Отдай документы Григория Ивановича!

– Пы...пы... пожалуйста, – продолжается неспешная песня, – но я об– обещал тётке с-с-сам его п-п-похоронить, она и...и денег дала...

– Где же деньги?

Саша разводит руками, поднимает их вверх, ладони смотрят в разные стороны, и застывает так, как изображают на рисунках тюльпан, голова – пестик на дряблой шее. Лоб пе-

ресекает кривой, гноящийся шрам от одного виска до другого. Лицо счастливое.

– Ладно, у меня есть, поехали в бюро ритуальных услуг.

– Ты-ты-та-тогда, зы-зы-зы-зачем я тебе т-т-там ну– ну – нужен? – следующий куплет.

Уговорить Сашу заняться каким-нибудь делом невозможно, но Вику подстёгивает злость. Чтобы похоронить дядю в ближайшие день-два и не «разориться», должна «предъявить» наследника.

Через полчаса в похоронном бюро Вика, один на один, с женщиной-агентом. Недоброжелательный взгляд, девятый день о покойнике не вспоминают.

– Очень жаль, – оправдывается Вика, – была в командировке, вернулась, как только узнала о несчастье. Помогите, пожалуйста, ускорить погребение, у жены Григория Ивановича нет денег, отдала племяннику, он их пропил. В сберкассе, пока, идти не может. Я наскребла дома...

– Не знаю..., как это возможно сделать быстро, – дама намекает на доплату за «срочность».

– Подождите, – Вика выбегает за Сашей на улицу, вышел покурить, ему «запало болтаться в конторе», за руку она подводит его к менеджеру.

– Посмотрите...

– Кы-кы-кы.. Как-к-кая интересная женщина! – перебивает Саша немного заплетающимся языком, он в восторге от дамы, лет сорока пяти, крашеной блондинки. У неё, на чёр-

ном платье, обилие золота, как и в ушах, и на пальцах. Металл сверкает, глаза мужчины соловеют. Забыл, зачем пришёл.

– Вы можете оплатить похороны, деньги есть? – возвращает ему память «красавица».

Саша делает «тюльпан». Вика снимает с его головы кепку, предьявляет изуродованный лоб.

«В этом случае лучше не «замахиваться» на прибыль», – соображает мастер ритуальных услуг, опустив глаза, и соглашается на скромные предложения родственницы усопшего.

На обратном пути Саша «зависает» около гастронома, Вика спешит к тётушке.

– Всё в порядке, дорогая моя Анюточка, сейчас потихоньку оденемся, я вызову такси и поедем ко мне. Здесь тебе нельзя оставаться.

– Делай, как считаешь нужным, я на тебя положусь, – отвечает женщина, привыкшая к тому, что, прежде, родственники полагались на них с Гришенькой.

Вика снимает с вдовы чёрное «оперенье» причёсывает, надевает летний костюм, плащ, панамку, вызывает машину, поддерживая, спускает по лестнице вниз.

В комнате Викиной мамы раскладывают диван, это будет постель для Анюты.

Покормив, помыв в ванной обессиленную женщину, Вика укладывает её. Тётя спит сутки. Просыпается.

– Где я? – спрашивает, оглядываясь. В течение многих

лет, едва ли не каждую неделю, она навещала сестру.

Приносят поесть.

– Как вкусно. Где Гришенька?

– Он умер.

Женщина вздрагивает и вспоминает.

– А Саша?

– У себя дома.

– Мне нужно туда!

– Ты больна.

– Он умрёт от голода!

– Я поеду, – вступает в разговор мать Вики. Она с трудом выходит на улицу: боли в тазобедренном суставе. Прежде сводку о здоровье племянника ежедневно получала от сестры по телефону. Для того, чтобы покормить его, готова пожертвовать собой.

– Не волнуйтесь, – говорит Вика, – буду забирать тётину одежду и обувь, отвезу брату котлеты.

Телефон оповещает: пришла смс. Начальник экспедиции сообщает, что её ждут на озере.

«Приехать не смогу, тётя едва жива, завтра выхожу на работу в институт, буду искать себе замену» – рисует пальцами ответ Вика.

– Ты слышишь нас или нет? – бабушки сердятся, – котлеты нужно поджарить, он не может есть сырые. Мама смотрит на дочь недоброжелательно, могла бы сама догадаться.

Вика, снова, в комнатах тёти. Нет больше посуды из чеш-

ского фарфора, Мейсенского чайного сервиза, немецкого хрустального графинчика со стопочками – украшения интерьера, заметно уменьшилось количество книг. Холодильник раскрыт, лёд морозилки плавится, течёт по паркету. Там, где стоял телевизор, пустая тумба.

– Отдай графинчик со стопками.

Для Вики этот набор – часть детства, маленький Эрмитаж.

Брат показывает «тюльпан».

– Неужели за три дня ты всё продал?

– Ну-ны... нет, жду подходящего покупателя.

– Сколько просишь? – вздыхает Вика, брат называет цену.

– Хватит с тебя и половины, – понимает, что идти торговать для брата «в лом». Жарит котлеты, вытирает пол, высушивает холодильник, собирает вещи, и, нагруженная, отправляется домой.

Когда едет домой в метро, замечает, что по коробке из комнаты брата, в которой лежит графинчик со стопками, ползёт клоп. Сбрасывает его и оглядывается по сторонам.

«Срочно провести дезинсекцию дома», – стучит в голове.

Вернулся муж из Беларуси, был в командировке по делам фирмы. Раздражён пополнением семейства.

– У некоторых мужчин, вообще, нет тёщи, а у меня – две.

– Так, – пауза, – какие предложения? Люди не мусор, чтобы их выбрасывать на помойку. Не забудь, сколько тётя для нас сделала: беспроцентный кредит на квартиру. Считай, что отработываешь её помощь. И, потом, как ты объяснишь сы-

ну, что не помог старому человеку? А, если сам окажешься в такой ситуации?

– Да, ладно, пусть живёт, – соглашается мужчина, – на следующей неделе снова уезжаю, подписываем контракт и предлагают отдохнуть в санатории несколько дней.

«Хорошо, что пока его не будет дома», – соображает Вика.

Тётя ищет Гришеньку, забывая обо всём, не узнаёт родственников, потом вспоминает, сетует, что врачи не успели прийти на помощь. Вика берёт на работе несколько дней в счёт отпуска, вызывает психиатра.

Врач, неказистый мужчина лет пятидесяти пяти, с красными пятнами на лице и, видимо, поэтому неаккуратно побритый, осмотрев Анюту, поговорив с ней и проделав несколько манипуляций молоточком, даёт удивлённой Вике точную характеристику тёте, её привычек и интересов.

– Если бы больная осталась в квартире, где всю жизнь провела с супругом, то, ушла бы вслед за ним быстро, а, поскольку, окружающая обстановка поменялась, потрясение должна пережить.

Выписывает лекарства. Расплачиваясь, Вика думает:

«Этот странный мужик честно зарабатывает на хлеб».

«Чик-чирик» на мобильнике. Начальник сообщает, что на электронную почту выслал файл с наблюдениями, просит обработать и завтра прислать результаты, он уехал с острова, ждёт на берегу, в том месте, где есть интернет.

«Ночь не спать», – понимает Вика, она ведёт эту тему, ни-

кто за неё работу не сделает. Говорить про отпуск глупо.

Звонок стационарного телефона, голос брата:

– Пы-пы..позови тётку.

– Что случилось?

– Ж-жрать хочу, привези поесть.

Полученную за графинчик сумму, значит, пропил.

– Нет у меня ни денег, ни времени!

– П-п-позови тётку!

– Она больна. Ладно, приезжай, обстрижешь ей ногти на руках и ногах и растительность на лице, я заплачу за работу. Понимаешь? За работу.

– Т-т-ты-тык, где энергию взять?

– Где хочешь, – Вика выключает из розетки телефон.

Садится в спальне, открывает ноутбук, хорошо, что программу обработки скопировала на свой диск. Начинает строить графики.

Звонок в дверь. Явление расслабленного, немолодого «мальчика» с чистыми глазами обожающим его старушкам.

Обе спешат в прихожую, улыбаются наивно, как дети.

– Тётечка, – говорит Вика, – Саша хочет подстричь тебе ногти, – выдаёт тапочки гостю, принимает кепку, скрывающую шрам на улице.

Анюта садится на диван, племянник берёт инструменты, руки дрожат. Вика пугается, просит отказаться от затеи, делает всё сама.

Нет, тётя хочет, чтобы за ней поухаживал любимый род-

ственник в первый раз за многие годы, и Саша настроился «подзаработать». Племянница выбегает из комнаты, чтобы не видеть истязаний.

Один график ей не нравится, то ли ошибка в записях, то ли изначальные предположения не верны...

Скребутся в дверь. Брат. Ногти на ногах и руках, кое-как, обкусал кусачками, а под подбородком тётки сделал небольшой разрез ножницами, кровь.

– Не больно, – успокаивает племянницу счастливая Аня.

– Я даю ему деньги, видишь, тётка, чтобы купил себе поесть.

Из кухни выносит сумку с продуктами, закрывает за братом дверь, заваривает кофе, нужно продержаться ночь. Утром отправляет шефу результат.

Аня пьёт лекарство, взгляд становится осмысленным, не ищет больше Гришеньку, появляются силы выйти на улицу. Спасибо доктору.

Вика вызывает такси, в сберкассе составляют доверенность для получения тёткиной пенсии, собирают справки для принятия наследства Григория Ивановича.

Люди, город, транспорт. Тётушка любит людей. На переднем сидении рядом с таксистом она искренне удивляется тому, что он «знает город лучше всякого экскурсовода», довольный мужчина берёт минимум за проезд, в ЖЭКе сочувствует бухгалтеру, как трудно работать на компьютере, рас-

троганная женщина просит подождать немного и, раньше, чем другим в очереди, сама выносит нужную справку, нотариусу Анята рассказывает, что он похож на Гришеньку, и какой замечательный у неё был муж. Мужчина смотрит на старую женщину с благодарностью, надеется, что и его жена о нём такого же мнения.

Дома телефонный звонок.

– Ви-ви-ви... Вика, умираю.

– Иди работать.

– Кы-кы-кы... Кто меня возьмёт?

– Садись у церкви просить милостыню, это тоже работа, сними кепку, люди увидят шрам и дадут денег. У меня отчёт скоро, статью не успеваю дописать для американского журнала, за старушками нужно ухаживать, и семья, заметь. Хорошо, что сын в спортивном лагере.

– Хы.. хочу тётку видеть, сы... соскучился.

Сестра вздыхает:

– Приезжай.

Звонок в дверь. Старушки обедают в кухне-столовой, «дита» перед ними, растроганы, приглашают за стол, вдвоём подвигают ему стул.

Вика мешает макароны в кастрюле на плите, оборачивается, Саша не вытерпел, сметана – вокруг рта, пластмассовый стаканчик пуст.

– Зачем всю сметану съел? Она для рассольника.

– Не, ругай его, – два голоса, – нам не нужно еды, отдай

всё ему.

– Сы... сеструха, дай выпить, н-н-не могу всухую.

– У меня нет.

Короткий ответ не предполагает дискуссии.

Брат сыт, доволен, приготовился уходить с сумкой продуктов.

– Викуля, – обращается тётя слишком ласково, – ты, ведь, получила мою пенсию, дай мне.

– Он же пропьёт, Анюта!

– Пусть истратит, как хочет, – вступается за племянника мама, пенсия у неё мизерная, несколько лет стажа потерялись в Эстонии.

Вика даёт деньги тётушке, а она – Саше. Тот исчезает.

– Хотела обратиться в клининговую компанию, чтобы убрали квартиру влажным пылесосом и вымыли окна, они у нас такие высокие, рассчитывала на эту сумму. Высоты боюсь. Может, Сашу попросить, помочь? – советуется со старушками.

– Что ты? – пугаются они, – Саша из окна выпадет.

– А меня вам не жалко? Кто за вами ухаживать будет, если разобьюсь?

– Обратись к мужу, – щурит глаза от удачной мысли тётя, – он, ведь, мужчина, у нас Гришенька эту работу до девяносто лет выполнял.

– Скажите спасибо, что муж помогает мне вытаскивать вас из ванной после купания, – отвечает племянница, а про

то, что поясница у неё болит говорить следует врачу, а не им.

Конец августа. Возвращается из летнего лагеря сын, Никита, баскетболист, ему пятнадцать.

– Чем это у нас пахнет? – спрашивает, морщась.

– Это из бабушкиной комнаты, не успеваю убирать, много работы. Придётся потерпеть, они старые и слабые.

Про клининговую компанию – ни слова, надеется, что следующие тётушкины перечисления не попадут в руки к брату.

– Ладно, только, дядю Сашу не приглашай, я его боюсь.

– Хорошо.

Звонок телефона.

– Ви-ви.. Вика, я заболел, при-и-ивези лекарства и-и-и по-есть.

– Что случилось?

– А-А-А... Отравился...

– Водка несвежая попалась?

– Пы-пы-пы... перестань издеваться.

– У меня есть старая швейная машинка в рабочем состоянии. Муж подарил новую, усовершенствованную. Продай.

Бабушки вынесли стулья в прихожую, сидят, ждут дорогого гостя.

Звонок. На пороге брат и лохматое чудовище в пиджаке, под которым – голая грудь, волосы на голове стоят дыбом.

– Наверное, из-за шей, – пугается Вика, – нужно помыть ручки двери, когда уйдут.

– Тёточка, – обращается Вика к Анюте, – Саша возьмёт

швейную машинку, продаст её, получит деньги и будет сыт некоторое время.

Тётя встаёт со стула и, шурша тапками на непослушных ногах, устремляется к машинке, стоящей на полу в прихожей, подготовленной к выносу, поднимает её, прикусывает губы от непосильного груза, подходит к «чудовищу» и «вручает» ему. Саша получил сумку с продуктами, нести не тяжело.

– Хорошо, что мужа и сына дома нет, – думает Вика.

– Долго этот алкаш будет к нам шляться? – спрашивает супруг.

Вечером бабушки делились с ним радостью: видели родственничка.

Чтобы Саша не поселил в тётиных комнатах бомжей, Вика подружилась с его соседкой, привозит пирожные или торт, слушает разговоры про сына невестку, внуков, умершего мужа, а в голове графики, недописанная статья, недовольное лицо шефа.

Холодильник Анюты исчез, валяется сломанная табуретка в середине комнаты.

«Хотел снять люстру, но не достал», – догадывается Вика.

На работе ей сочувствуют: два больших человека на руках. Про главную проблему – брата не рассказывает, неловко признаваться, что у неё такой родственник.

– Инициативы не вижу, – упрекает начальник, – где прежняя заинтересованность в науке?

У старшего научного сотрудника, Виктории Евгеньевны, апатия, усталые глаза. Трудный год, скоро следующее лето.

Вика отказывается от командировки на озеро, боится, что старушки откроют брату дверь, и он вынесет из дома всё. Шеф хмурит брови, разговаривает сквозь зубы.

Звонок телефона. «Подкупленная» соседка докладывает: у Саши появлялись гости, хорошо одеты, приехали на дорогой машине. О чём говорили, не слышала.

«Охотники за недвижимостью», – понимает Вика. Берёт на работе очередной день «за свой счёт». Она у брата.

– Кто были эти люди?

– Зы-зы... знакомые.

– Какие у тебя с ними дела?

– Э-э-э.. это мои дела.

– Если подпишешь документы о продаже комнаты, в тётины я тебя не пушу, она собирается вернуться домой, если составишь завещание в чью-то пользу, долго не проживёшь.

– Мы-мы-мы... мы все умрём когда-нибудь, и, только, бог зы-знает, когда, – за фразой следует «тюльпан».

– Насчёт остальных людей, знает бог, а, что касается тебя, то «это ясно, как простая гамма».

Через неделю его не стало. Причина в свидетельстве о смерти: отравление этиловым спиртом. Обычный диагноз алкоголику, не подкопаешься, работали профессионалы.

Всё повторилось, как год назад: бюро ритуальных услуг, кремация, урна, кладбище. С той лишь разницей что, вместо

«золотой» женщины дело о погребении вёл услужливый молодой человек.

У Вики – ни одной слезинки, только ощущение тяжёлой работы, которая, наконец, закончилась.

По дороге с кладбища, по мобильнику, договаривается с подругой: та через день-два будет навещать старушек и ежедневно напоминать по телефону, чтобы принимали лекарства. Обеды и ужины на две недели приготовит и заморозит.

Смс-ка шефу: она едет на озеро. Получает: «ок».

Дома остаются муж и Никита. Их семья – единственные наследники Анютиных комнат. Пусть позаботятся о старушке.

Вспоминает: ей лет семь, а брату – на девять больше. Лёгкий, красивый мальчик хочет ехать с другом на Кавказ в дни школьных каникул, не просит, а требует денег. Бабушка смотрит на Гришеньку, тот отвечает: «Нет» и уходит к себе. Аня, подождав, пока шаги мужа стихнут в коридоре, говорит, вздохнув:

– Не расстраивайся, мама, завтра сниму со сберкнижки.

Мама Вики рассказывала, как мальчика, родившегося «сиротой», обожала вся семья. Маленький «кавказец» бегал по квартире, как таракан, не поймать. Первым словом, которое научился произносить было: «Дай». Каждый родственник, возвращаясь с работы, приносил малышу конфету, пирожное, игрушку.

Бабушка по утрам засовывала в карман школьной курточ-

ки любимого дитя рубли, чтобы после занятий сходил в кино. У Саши получалось не «после», а «вместо». Школу закончил с трудом. Попал в армию.

Вике – десять. Семья, собравшись за столом, вытирая слёзы, читает письма Саши. Звучали, примерно, так: «Дорогие мои, очень скучаю, условия здесь невыносимые, еда отвратительная, спать не могу, в казарме полно солдат, командиры заставляют чистить картошку, мыть полы и, даже, туалет. Вечером, когда закрываю глаза, мне снятся бабушкины пирожки с капустой и сочные котлетки из свинины».

Весь следующий день бабушка пекла пирожки, мастерила котлеты, и, вместе с сумкой, заполненной продовольствием, отбыла на поезде, несколько часов езды, чтобы покормить внучонка.

«Страдалец» вернулся домой раньше положенного срока и принялся отдыхать, никто его не трогал, потом появилась женщина. Тогда и сказал дядя Гриша, главный «добытчик» в семье, что Саша должен работать. С тех пор, до самой смерти бабушки, был главным её врагом.

«Дитя» хотело гулять, пить, играть в карты, приводить женщин, требовало денег.

Гришенька закрыл двери в свои комнаты, установил замок, защитился. За замком этим им с Анютой жилось спокойно.

У мамы Саши случился инсульт. Аня ухаживала, сначала, за заболевшей матерью, а, потом, стала сиделкой у постели

сестры. Не жаловалась, успевала и на работу, и в театр, и в гости. Сверкали глаза радостью, умела ценить жизнь, чувствовала себя сильной, здоровой, любимой.

Саша попробовал работать, предложенные вакансии не устраивали его, бесила необходимость ходить на службу каждый день к определённом часу, а не тогда, когда удобно ему.

Время и «бурная» жизнь превратили кудри на голове в редкие клочья, повесили мешки под глазами, обаятельную улыбку трансформировали в циничную усмешку.

Он пропил одну из двух комнат, бабушкину. В квартире появилась соседка. Аня с ней наладила, почти, родственные отношения.

Как пробил Саша лбом стекло в окне, не помнил, выпил «бормотуху» вместо водки, она и закружила его по комнате. Попал в больницу. Вика навещала его. В палате собрались мужчины, похожие на брата, у кого-то нога подвешена на специальной койке, в драке сломали в двух местах, кому-то собутыльник разбил голову, третьему попало кастетом по затылку.

Осколок стекла не просто порезал лоб брата, снял кожу от бровей до волос. Кожа прирастала плохо. При выписке получил рекомендацию: «вести здоровый образ жизни».

– Берегите его, – сказала уборщица, моющая пол в больничном коридоре, – ребёнка всякий пожалеет, пожилого человека защитят его дети, а об этих горемыках, кто позаботится? Ношу им то хлеб, то колбасу, то курицу.

Она улыбнулась добрыми глазами и ртом, в котором виделось, только, два зуба.

«Интересно, скопила бы на искусственную челюсть, если бы не помогала алкашам?» – мелькнуло в голове Вики, но тут появился раненый «боец» с перевязанной головой.

Теперь, возвращаясь с кладбища, Вика размышляла, как сообщить о случившемся старушкам.

– Что-то Саша давно не звонил? – две пары наивных глаз. Ком в горле.

– Саша заболел, он в больнице, – поперхнулась она.

Через несколько дней сказала, что Сашу отправили в пансионат на Алтай лечиться от алкоголизма.

Тетя обрадовалась, а мама посмотрела недоверчиво.

– Бог простит меня за ложь, я не хочу их убивать.

В квартире тётки появилась «наследница» комнаты, широкоплечая и широкозадая баба со стеклянными глазами, то ли смотрит на Вику, то ли мимо. У сестры нет претензий на имущество брата. Баба успокаивается.

Остаётся несколько дней до командировки, Вика стирает бельё, готовит и замораживает обеды и ужины. Кашу на завтрак тётя варит сама.

Каждый день старушки ждут новостей о Саше. Приходится говорить, что он поправляется. Они рады.

– Как ты думаешь, Викуля, не вернуться ли мне домой? – спрашивает посвежевшая тётя, – спасибо большое, мне хорошо с вами, но, как говорят, «пора и честь знать», собира-

уюсь дома ждать Сашеньку.

– Не знаю, тётя, не скучно ли будет одной?

Про то, что Саша пропил холодильник, телевизор, посуду, а библиотека, почти, пуста, пока, молчит.

Прошёл день, лицо тёти – спокойное и светлое. Встаёт с дивана, раскладывает гладильную доску, включает утюг.

– Ты куда-то собралась?

– Нужно погладить летний костюм. Хотела спросить, как я выгляжу, Вика?

– Превосходно, – отвечает удивлённая племянница, отметив про себя, что тётя сама избавляется от щетины на подбородке. Пигментные пятна на коже не скроешь, а волосы всё ещё густые, даже, с тёмным вкраплением среди седины и чёрные глаза очень живые.

– Спасибо тебе, дорогая, за всё и за Сашу. Какая ты умная и красивая, как замечательно получилось его устроить, гора с плеч. Жаль, что Гришенька не дожил до этого радостного дня.

– Так, всё-таки, куда ты идёшь, тётя?

– Видишь ли, Гришенька не любил бывать на улице, а я ходила гулять в Измайловский сад, там познакомилась с пожилым человеком. Мы подолгу разговаривали, сидя на скамейке. У него жена умерла, жил с детьми. Напрашивался в гости, но пригласить не решилась... У Гришеньки был один недостаток.

– Да, что ты, тётя?! Не могу поверить, у него не было недо-

статков!

– Был, был, только, один. Он немножечко ревнив, царство ему небесное.

«Я его понимаю», – усмехнулась про себя Вика.

– Возможно, этот человек и сейчас туда приходит. Конечно, Гришеньку никто не заменит, но, если ты считаешь, что мне трудно будет жить одной, может быть, пригласить его? – царственный поворот головы.

Вика опешила.

– И сделаете его счастливым, – высказался супруг, зашедший в комнату «двух тещ», спросить что-то. Он привык к Анюте и удивлялся, насколько разными бывают сёстры: от матери Вики получишь только бурчание и недовольство, а тётушка счастлива, когда его видит, помощь предлагает по дому, и о работе поговорит. Забавная старушка.

– А почему человек, с которым живу, должен чувствовать себя несчастным? – гордая собой, ответила тётя. – Одно меня беспокоит, хорошо ли Саше там, где он находится?

– Абсолютно, тетя, не сомневайся, – Вика толкнула мужа локтем, чтобы не проговорился, – только, не нужно ехать далеко, для начала пройдишь по нашей улице до метро и обратно, оцени свои возможности. На наземном транспорте до сада добираться сложно.

– Наверное, ты права, начну с окрестных мест.

В глазах появилось лукавство, снова почувствовала себя женщиной, за которой волочились мужчины и боготворил

верный Гришенька, надела красивый, по её мнению, костюм, подушилась, приобрела аромат, оставшийся в памяти Вики от далёкого детства, завила кончики волос электрическими щипцами, накрасила губы, подхватила сумочку, которая была модной лет сорок назад.

Вика стояла на лестничной клетке, проверяла, как держась двумя руками за перила, с сумкой, висящей на плече, тётя осторожно, боясь споткнуться, боком спускается вниз.

«До метро, может быть, и дойдёт, но до сада вряд ли», – поняла она, но размышления прервал голос:

– Викуля, – звенело в открытом пространстве с первого этажа, – забываю тебя спросить, а работать Сашу там не заставляют?! Говорят, в таких учреждениях лечат трудом.

– Ну, что ты тётя! Я бы этого не допустила!

– Слава богу.

Вика слушала, как медленные, шаркающие шаги приближаются к выходу на улицу.

«Анюта, замечательная женщина, – хотелось сказать, – Саша вырос, не учился и не работал, у него было много женщин и водки, опустил и умер, но глаза твои, по-прежнему, видят хорошенького мальчика, который трогательно протягивает ручку и слышится тебе короткое слово: «дай»».